

Станюкович Константин Михайлович

Светлый праздник

Станюкович К.М.

Светлый праздник

I

Целых двое суток Страстной недели нас жестоко-таки трепало в Индейском океане, столь нелюбимом моряками за его частые и коварные сюрпризы. Благодаря предусмотрительности капитана, вовремя приказавшего спустить брам-стенги и поставить штормовые паруса, мы с честью выдержали ураган, благоразумно избегнув его центра, и не получили никаких серьезных повреждений. Только вельбот смыло волной - вот и все.

Наконец, на третий день ураган ослабел, а в пятницу и совсем прекратился. Ветер уже бешено не ревел, словно надрываясь какой-то исполинской грудью, и, подло переходя через все румбы, не крутил, дробя в алмазную пыль, верхушки громадных волн, разбивающихся со страшным гулом одна о другую. Океан не походил на грозного, разъяренного, могучего зверя, готового поглотить одним глотком ничтожную деревянную скорлупку с сотней смелых пловцов. Темные, зловещие тучи исчезли; волна, утомленная, улеглась, барометр быстро поднимался, и солнце, жгучее и ослепительное, снова весело глядело на маленький трехмачтовый клипер с высоты бархатного голубого неба, подернутого, словно белоснежным кружевом, перистыми, нежными облачками.

Еще в ночь на субботу отдали все рифы у марселей, поставили фок, грот и брамсели, и ходкий грациозный "Голубчик", боровшийся с ураганом в крутой бейдевинд и почти не двигавшийся с места, понесся теперь с ровным попутным муссоном, точно птица, расправившая крылья, покойно и плавно покачиваясь, узлов по десяти, по одиннадцати в час, поднимаясь к недалекому уж экватору, за которым ждала нас, после долгого и длинного перехода, стоянка в роскошной Батавии. Вахтенный офицер и вахтенные матросы вздохнули свободней и не находятся в нервном напряжении, - вахты перестали быть "каторжными".

Снова были открыты задраенные наглухо люки, и снопы света и волны чистого свежего воздуха ворвались в душный кубрик и в палубу. С раннего утра затопили камбуз, эти дни бездействовавший по случаю адской качки, и у камбуза в это утро царило необычайное оживление и суматоха. Все три кока (повара) в белых колпаках торопились приготовить к разговенью куличи, яйца и окорока; многие матросы охотно им помогали в этом деле, и около камбуза постоянно толпилась кучка матросов. Снова одетые в летние белые рубахи и босоногие, они то и дело выползали наверх и собирались на баке, у кадки с водой, чтобы покурить и полясничать. И офицеры после подъема флага гуляли по шканцам, любясь погожим утром и улыбаясь проказам общей любимицы Соньки. Куда-то забившаяся во время урагана маленькая обезьянка снова появилась наверху и, веселая и забавная, как сумасшедшая летала по вантам, спускалась вниз и задираала дремавшего у пушки, на солнышке нашего степенного и ленивого косматого водолаза Муньку, дергая его за хвост и тотчас же удирая на ванты, когда Мунька начинал сердито ворчать.

Старший штурман, довольный, что солнце, скрывавшееся три дня, светит теперь, как он выражался, "во всю рожу", уже берет высоты, а старший офицер Василий Иванович, давно уже

осмотревший весь клипер вместе с боцманом, попыхивая папироской, благодушно допивает свой третий стакан чая, сидя на диване в кают-компании, принявшей снова свой обычный безукоризненно чистый вид. Одного лишь капитана не видно. Он отсыпается после трех суток, почти бессменно проведенных им у штурвала, около рулевых. Во время урагана он лишь на два, на три часа спускался днем, чтобы обсушиться и вздремнуть, и снова, на вид спокойный и серьезный, с осунувшимся лицом и скрытой тревогой в душе, выходил наверх защищать свой любимый "Голубчик" от ярости урагана и спасти вверенных ему людей.

В эту Страстную субботу, среди океана, вдали от родины и более привычной для всех береговой обстановки, большая часть матросов, преимущественно старики, были в каком-то особенном, торжественном настроении, видимо бесконечно довольные, что трепка прекратилась и можно встретить праздник, не штормуя, а похоже, как и на берегу: честь-честью помолиться за светло-христовой заутреней и разговеться после недели поста. В этот день, после обычной утренней уборки клипера, никаких учений и занятий не было, и свободные от вахты могли заниматься своими делами. Матросы ходили к образу, перед которым старый матрос Щербаков (образной) с раннего утра уже затеплил лампаду, молились, кладя земные поклоны, и уходили наверх, вынося свои парусинные чемоданчики. Примостившись на палубе, они осматривали чистые, большею частью собственные, белые рубахи, шейные платки, парусинные башмаки, чинились и прибирались. Сбившись по разным углам кучками, многие слушали евангелие, читаемое нараспев каким-нибудь грамотным матросом. Вообще готовились к великому празднику истово и серьезно. В этот день почти никто не пил перед обедом своей чарки, и некоторые ничего не ели. Разговоры велись более или менее соответствующие настроению, и все воздерживались от привычных крепких слов. Даже старый боцман Щукин, не умевший сказать трех слов, не уснастив их самой отборной руганью, и тот сегодня имел несколько сконфуженный вид и ругался меньше.

В палубе красили яйца в ситцевых лоскутках старых матросских рубах и складывали их на столе. Матросы красильщики видимо с увлечением занимались этим делом. Около них толпились кучи молодых матросов, и раздавались веселые замечания:

- Ровно бабы на деревне яйца красите!

- И впрямь бабы!

С неменьшим любопытством смотрели матросы, однако в почтительном отдалении, чтоб не рассердить коков, как они вынимали окорока и куличи, которые уносились тотчас же к баталеру. Коки были в профессиональном азарте и, несмотря на Страстную субботу, ругались немилосердно, чувствуя себя героями дня, на которых обращено общее внимание. Положение их было в самом деле трудное. Благодаря урагану, надо было за один день испечь пропасть окороков и куличей для команды. Как тут не выругаться!

Чистивший невдалеке серебряное кадило, благочестивый Щербаков, старый хороший баковый матрос и образной, исполнявший также во время треб и обязанности дьячка, протяжно вздыхал и с сокрушением качал головой, слыша раздававшуюся в палубе ругань коков.

- Греховодники... Такой день, а они...

- Никак им нельзя, Тимофеич, - заступился за поваров стоявший около вестовой ревизора, бойкий молодой матрос с медной сережкой в ухе.

- Отчего это нельзя?

- Потому в самом полном ходу они у самого этого камбуза... Спешка. Одних куличей сколько... Опять же окорока... А левизор беспрерывно требует, чтобы все было готово. Сами знаете левизора, какой он зубастый... С им, прямо сказать, и день какой - забудешь, потому зубов не

пожалееет, отшлифует их форменно. И то сказать: надо же к празднику нам разговеться...

- И пустое однако ты говоришь, Ефимка...

- То-то не пустое, а побудьте вы сегодня примерно заместо этих самых коков...

- Аксюткина послать! - раздался громкий раздраженный голос из открытой двери кают-компанияи.

- Есть! - крикнул в ответ Ефимка. - Слышали, как зыкнул? - прибавил он, обращаясь к Тимофеичу, словно бы в защиту поваров, и побежал в кают-компанию.

Ревизор, довольно вспыльчивый лейтенант, действительно не жалевший матросских зубов в минуты гнева, несмотря на строгое приказание капитана не драться, был сегодня в самом возбужденном настроении. Капитан просил, чтобы для матросов было устроено обильное разговенье, а тут, как нарочно, три дня нельзя было развести огня в камбузе.

И ревизор, желавший в точности исполнить капитанское приказание, к тому же и сам искренно ему сочувствовавший, так как понимал, как приятно матросам справить праздник как следует, целый день суетился, и его сухощавая, маленькая подвижная фигурка то и дело мелькала в палубе, направляясь к камбузу и обратно. Он донимал баталера и коков, спрашивая их: "все ли будет готово", и обещал кокам по доллару на водку, если они постараются, и "разнести вдребезги", если что-нибудь будет скверно. Нечего и говорить, что коки обещали стараться.

В свою очередь и мичман Коврайский, месяца два тому назад выбранный содержателем кают-компанияи и, как все содержатели, весьма щекотливый к критическим замечаниям относительно обедов и ужинов и вообще очень самолюбивый человек, - намеревался удивить всех роскошью и изобилием кают-компанейского пасхального стола. Разумеется он держал в строгом секрете, чем именно он поразит, так как вся живность, взятая из Порто-Гранде еще полтора месяца тому назад, была давно уже съедена, и мы сидели на солонине и консервах, нетерпеливо ожидая "берега", а с ним и свежего мяса.

Правда, на клипере оставался еще в живых Васька, молодой и весьма жирный боровок, взятый еще поросенком из Кронштадта. Но все содержатели щадили этого любимца команды, выдрессированного одним из матросов, татаринном Апаркой, когда-то бывшим медвежьим поводырем, который очень любил своего ученика и вел дело его воспитания с терпением и обдуманностью, сделавшими бы честь многим педагогам. Этот Васька плавал с нами восемь месяцев и своей смышленостью и разными штуками доставлял на баке матросам большое развлечение, столь ценимое при однообразной судовой жизни, вообще бедной удовольствиями. Он носил поноску, становился на задние лапы и шел за подачкой, бежал на зов и каждое утро, когда мыли палубу, терпеливо выносил окачиванье из брандспойта и, наперекор свиной натуре, был очень чистоплотен. Когда свистали всех наверх и шла авральная работа, Васька немедленно убирался в свой маленький домик из старого ящика, устроенный заботливым пестуном и содержавшийся в большом порядке, - и выходил оттуда, лишь когда раздавалась команда: "подвахтенные вниз!" При словах "боцман идет!" Васька, при общем смехе матросов, со всех ног улепетывал под баркас, испуганно хрюкая, а когда спрашивали: "хочешь водки?" вертел куцым хвостиком и весело хрюкал. Одетый иногда в матросскую рубаху, сшитую Апаркой, в матросской шапке на голове, Васька, бывало, давал, под руководством своего воспитателя, целые представления и был вообще persona grata* на баке, деля лавры с забавной Сонькой. Еще бы! Сколько неподдельного удовольствия доставлял и сколько вызывал дружного смеха этот смышленный Васька, развлекая матросов от томительной подчас скуки долгих переходов. Да и не одних матросов.

* Здесь: лицо, пользующееся расположением (лат.).

Разумеется, озабоченный устройством пасхального стола мичман даже и мысленно не решался посягнуть на матросского фаворита, и он, проплавав с нами три года, вернулся на "Голубчике" в Кронштадт упитанным и умудренным боровом и, по справедливости, поступил во владение Апарки.

Несмотря на отсутствие животных, которые могли бы быть зарезаны, мичман не унывал и еще накануне таинственно о чем-то совещался с буфетчиком и поваром и с раннего утра метался, как угорелый, с озабоченным и в то же время победоносным видом человека, уверенного в успехе. Он считал себя тонким знатоком и гурманом и, вероятно, потому отчаянно надоедал повару, объясняя ему тайны соусов и приправ, о которых и сам имел довольно смутные понятия. И сегодня он раз десять бегал к камбузу, пробовал окорок, куличи и засматривал в печь, где готовились сюрпризы, в виде консервованных куропаток.

- Ну, а как, Иванов, насчет пасхи? Выходит что-нибудь, братец? озабоченно спрашивал толстенький и румяный молодой мичман, возымевший дерзкую мысль сочинить пасху из консервованных сливок.

Пожилой рыжий матрос Иванов, давно уже ходивший на судах офицерским "коком" и любивший свою профессию главным образом, кажется, потому, что большую часть спиртных и винных порций, дававшихся ему для приправ, вливал в себя, - с обычным своим невозмутимым апломбом отвечал:

- Выйдет, ваше благородие.

- Ты еще не начинал?

- Никак нет, еще успею... Долго ли!

- Что ж ты положишь в сгущенные сливки?

- А всего положу, как докладывал, в плепорции... Рисовый пюрей, значит, изюм, миндаль, сахар, ванель для духу, и выйдет вроде быдто настоящая пасха... и не узнать... А убор на ней будет из сухих фрухт.

- Как бы гадости какой не вышло! - беспокоило спрашивал толстенький мичман, зная хвастовство Иванова.

- Не извольте сомневаться, ваше благородие. Скусная пасха должна выйти. Слава богу, всякие пасхи делал... Отчего ей не выйти?... - прибавил Иванов с хладнокровной самоуверенностью.

И, чтобы отвязаться от надоедавшего ему мичмана, Иванов с самым свирепым видом начал двигать кастрюли, стоявшие на плите, а затем заглянул в духовую печь и стал вытаскивать куличи.

Мичман ушел торжествующий, что поразит всех нас пасхой, не предвидя, разумеется, какую невозможную гадость состряпает ни в чем не сомневающийся Иванов. После нескольких стаканов водки, потребованных им для быстрого подъема теста и в значительной степени поднявших дух самого Иванова, он готов был сделать пасху, из чего прикажут, хотя бы из капусты.

II

Вечер был прелестный, ветер не свежел, и потому капитан разрешил в эту ночь стоять на вахте лишь одному отделению, чтобы большее число матросов могло быть у заутрени.

В половине двенадцатого нижняя палуба была полна по-праздничному одетыми и прифранченными матросами. Впереди, у переборки, отделяющей кают-компанию от жилой палубы, была устроена маленькая походная церковь с разборным иконостасом, и у него, перед аналоем, стоял в траурной епитрахили наш батюшка, отец иеромонах Виталий, и сиплым баском, слегка распевая, читал страсти господни. Вблизи от него стояли офицеры, имея во главе капитана. Все были в шитых золотом мундирах, в орденах и при саблях. Немного поодаль стояли боцмана, подшкипер, баталер, фельдшер, писаря, словом, вся, так называемая, баковая аристократия, разодетая в пух и прах (особенно "чиновники"), а сзади плотной стеной толпились матросы.

В палубе стояла мертвая тишина и царил полумрак. Несколько свечей паникадила перед большим образом клипера да с десятков развешанных фонарей еле освещали серьезные и напряженные лица матросов, с благоговейным вниманием слушавших евангелие, хотя и не все понимавших в его славянском тексте. Но если они и не все понимали, то, разумеется, чувствовали величие страданий и смерти того, кто был защитником всех простых, обремененных и трудящихся. А не они ли именно эти самые трудящиеся, простые матросы, постоянно подвергавшиеся опасности?..

Словно понимая, что за таких простых людей страдал Спаситель, они, кротко и умиленно душевно настроенные, безмолвно молились и, чувствуя под собой покачивавшуюся палубу, быть может, в эти минуты поминали в молитвах кровных и близких, оставленных в далеких бедных деревушках, все еще дорогих сердцам матросов, несмотря даже на долгую их морскую службу. И просмоленные шершавые их руки, безуданно делающие трудное матросское дело, складываясь в трехперстие, медленно осеняли их груди широкими, мужицкими крестами.

Батюшка окончил чтение Евангелия и вошел в алтарь. Прошло несколько минут, как из открытого люка прозвучали удары колокола, медленно пробившие восемь склянок, и с последним ударом грянул выстрел из орудия. Тотчас же палуба осветилась сотней зажженных восковых свеч и фонарями. Отец Виталий появился в светлой блестящей ризе и, в предшествии хора певчих с фонарями в руках, двинулся обходить клипер в сопровождении капитана, офицеров и всей команды. Наш отличный хор пел: "Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах", и с этою песнью все поднялись на палубу.

Ночь была чудная, теплая. Клипер, слегка накренившись, бесшумно шел узлов по семи, и наша процессия медленно двигалась по этому оторванному уголку далекой родины, а ярко мигающие звезды, среди которых Южный Крест лил свой нежный свет, ласково смотрели сверху.

Когда обход был окончен, и батюшка, вернувшись с другой стороны, благословив начало заутрени, запел своим сиплым, слегка дрожащим баском: "Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ", хор подхватил, и вслед за ним подхватили и все матросы радостно и торжественно, с внезапно просиявшими, умиленными лицами.

Подхватили и наверху вахтенные, толпившиеся у открытого люка, и эта радостная песнь сотни моряков разнеслась и замерла среди тихо шумевшего океана.

Началось богослужение.

По случаю великого праздника, батюшка служил не так, как обыкновенно, торопясь, словно на почтовых, зная, что морякам некогда, а медленно и благолепно, так что заутреня и обедня затянулись до двух часов, к крайнему нетерпению мичманов и гардемарин, уже чувствовавших аппетит и жажду в виду шампанского, обещанного толстеньким мичманом.

Наконец служба окончена, и началось христосование.

Сперва христосовались с батюшкой, а затем подходили к капитану. Все до последнего матроса целовались - и не иудиным, а хорошим поцелуем - с этим благородным и добрым человеком, ни разу не осквернившим своих рук битьем и ни разу не позволившим наказать матроса розгами. Каждый получал от капитана по красному яичку из большой корзины, стоявшей около него. Затем христосовались с офицерами и друг с другом.

А наверху по всей палубе уже были разостланы брезенты для каждой артели, и на каждом брезенте красовались окорок, кулич и крашеные яйца, освещенные фонарями. На шканцах уже стояла ендова с водкой и при ней, конечно, баталер с ассистентами.

Все шумно высыпали наверх и там продолжали христосоваться. Отец Виталий, и сам значительно проголодавшийся и едва ли не чувствовавший еще более жажды, на этот раз довольно скоро освятил все яства и пошел освящать пасхальные столы у капитана и в кают-компани, где уже почти все были в сборе. При появлении батюшки кто-то весело крикнул:

- Скорей, батя... Ведь и вам хочется разговеться... Коньяк здесь стоит прелесть... и мадера... и шампанское...

Наверху просвистали к водке. Капитан первый зачерпнул из ендовы чарку и сердечно крикнул:

- С праздником, ребята!

- И вас также, вашескобродие! - гаркнули в ответ матросы.

После раздачи водки началось разговенье.

Кончилось оно, когда звезды погасли и наступил предрассветный сумрак. А на востоке далекий горизонт уже загорался багрянцем, предвещающим близость восхода.